

МАКСИМ ЕРШОВ

ТИХАЯ ЧЕСТЬ

Известному самарскому поэту Евгению Петровичу Чепурных исполняется шестьдесят.

К юбилею дорогой нам поэт выпускает новую книгу стихотворений “Снежный человек”, почти сплошь состоящую из стихов последних лет, где нам будет явлено его дальнейшее развитие – из себя сегодняшнего в себя нового, другого. Ко всему времена таковы, что не очень знают своих поэтов. Потому не лишне сделать краткий очерк литературного явления по имени Евгений Чепурных.

Из глухих, как омут, девяностых годов Чепурных явился книгой “Маятник”, которую теперь не сыскать. Оба экземпляра, что были у меня, “ушли в народ” закономерно и непреложно – будто только затем и появились на свет. Уже тогда (2003) было понятно, что Чепурных поэт своеобразный.

*Что на Руси? Не таи.
— Господи, вьюга и вьюга.
— Как же там овцы мои?
— Господи, режут друг друга.*

*Вьюга и ночи, и дни,
След от могилы к могиле.
То ль осерчали они,
То ли с ума посходили.*

*Лютый, садись на коня,
Добрый, в слезах умывайся.
— Что ж они, верят в меня?
— Господи,
Не сомневайся...*

Диалог внутри стиха я назвал бы одной из ярких черт поэтики Чепурных. Как и все, поэт занят судьбами Родины. Но при этом главное место в стихах занимает не памфлет, а образ героя из народа, который “облюбован”, который нередко и часть лирического “я” поэта, и которому только и дана возможность вести диалоги, например, с Господом.

Вторая черта, которая выдаёт в Чепурных-поэте лирика по преимуществу – замирание времени. Зачем поэт прибегает к нему или почему оно происходит в той мере, в какой это замирание происходит у него?

*И кружилась птичка Божья,
И кидал ей крошки в снег
Незаевшийся прохожий,
Тоже Божий человек.*

*У него очки, как окна,
За которыми тепло.
У него нога промокла
И на сердце тяжело.*

*И, кусая от кусочка,
Птичка думала: Бог весть,
Может, маленькая дочка
У него в деревне есть.*

*И живёт она, как птичка,
И не знает ничего.
Вьётся по ветру косичка
Дочки маленькой его.
Потому он птичек кормит
И кидает крошки в снег.
— Плачешь?
— Плачу.
— Помнишь?
— Помню.
— Помни, Божий человек.*

Напомню, что поэт живёт в мегаполисе, и потому такая значительность такой незаметной сцены где-то посреди Самары может возникнуть только с применением специального “увеличительного стекла” поэта, сквозь которое и время частного момента принимает новое качество протяжённости, место и действие сначала ограничены донельзя, чтобы потом быть увеличенными.

В 2009 году в Самаре выходит следующая книга Евгения Чепурных “Перелётное счастье”. Время изменилось, хотя трудно говорить о том, что оно утратило свои глубокие родовые изъяны, избыло и изжило их. После всего, что сказано, написано, передумано русской литературой в предыдущие десятилетия, оставалось или повторять сказанное, добавляя и добавляя ярости словам, или... думать в глубину, зреть в корень.

*Жизнь прожил,
А всё не пойму,
Зачем я, как маятник, мерно
Качаюсь из света во тьму,
Из Света во Тьму маловерно.
Зачем, как в холодной зиме
Следы урожайного лета,
Ищу я в безжалостной тьме
Следы милосердного Света?*

Чепурных – известный иронист и даже участник и победитель поэтических конкурсов в этом формате. Он может и “показать себя” – своего героя – в его бесшабашном выходе. Заметим, что это выход “из себя”:

*Отчаяться сердцем
И выбежать вдруг
Из тьмы и безвестья
В сверкающий круг
И крикнуть:
— Не ждали, собаки!?
О, как у вас весело, чёрт вас дер!
Скорее согрейте меня изнутри,
Простите, что я не во фраке.*

*Простите, что малость помяты портки.
Привет, иноземцы! Хэлло, земляки!
Обиженный разум клокочет.
А та, что умеет сразить наповал,
Не хочет, чтоб ты её поцеловал,
А просто сидит и хохочет...*

Но горькая ирония Чепурных — это или самоирония, или юмор, который не бывает злым. Это никогда не издёвка, не отрицание, что говорит о позиции “лицом к человеку”, а не наоборот. Приятие человека и мира, и сумасбродной женщины, и любого маргинала — это философский ответ — христианство, в которое Чепурных неподдельно и творчески углубляется. Мы можем сказать, что это общий путь. Да, путь, пожалуй, общий, но у Чепурных он приобретает своё значение и подлинность именно в том, что этот путь пройден в мысли, в жизни, в душе, а не получен в наследство от традиции уже потому, что так надо, или хотелось бы, или принято. Будучи христианином во взгляде на мир, Чепурных остаётся поэтом. В одном интервью он говорит: “В любое время никто, по-моему, не видел счастливых поэтов. Это, наверное, складывается из самого их предназначения. Ежели поэту не хватает каких-то печалей или приключений, он их сам найдёт. Он так устроен. Потому что душа не оседлая”.

Если вам надоело писать стихи, читайте Чепурных, чтобы вновь поверить в поэзию. Лучший рассказ о Чепурных — это сам поэт, Его стихи звучат и звучат тонко, а не грохочут. Чепурных пишет не строками, а строфами, используя разные их виды. Он и по-советски разбивает строку, и классически использует “анжамбеман строфы”, то есть переносит предложение в следующую строфу. Он, если это требуется, пишет секстинами и возвращается к четверостишиям, использует свободные строфы. Но главное не то, что он делает это, а то, что он делает это со вкусом.

Его стихотворение, как правило, имеет протяжённость, объём и образное пространство. Алексей Смоленцев в статье, посвящённой Чепурных, пишет о явлении, названном болгарским филологом Нейчевым: органике, “капле” бытия в “капле” быта. “. . . Если стихотворение становится осуществлением любви, то всё выражается в нём, исчезают границы”, — пишет Смоленцев в одном месте. “Это сочетание (аскетика и ирония) становится у Чепурных художественным приёмом, одной из “несущих” (в терминах механики) сил художественного мира поэзии Евгения Чепурных”, — пишет в другом. Он очень прав. Я же хочу сказать, что если аскетика и ирония стоят труда разума и души поэта, то их реализация в стихотворениях стоит труда, в том числе чисто формального, словесного, над созданием особого пространства. Это понимаешь, как только почувствуешь ветерок на своём лице в конце какого-то отличного стихотворения.

Книга Чепурных 2009 года “Перелетное счастье” открывается стихотворением “Тринадцатая строка”:

*А когда задрожал в руке
Леденистый фужер, искрясь.
На тринадцатой
На строке
Кровь невинная пролилась.*

*Обожгла.
Обратилась в суть,
Испаряя животный страх.
Я не знал, что кого-нибудь
Будут резать в моих стихах.*

*Отвернулся на два глотка.
Думал: выпью — и все дела,
А тринадцатая строка
Кровью жертвенной истекла.*

*И теперь в тишине крутой
Я тянусь через все стихи
Окровавленную рукой
До четырнадцатой строки.*

*И всплеснёт она, как волна,
И уколет, как остриё.
И отмоеет меня она
От всего, что есть не моё.*

“Тринадцатая строка” Чепурных – это констатация максимума осуществления личности в миру, предела художественно-светской мудрости. Это ступень, на которой уже ясно чувствуется неизбежная раздвоенность поэта, имеющего сокровище своё, своё главное бытие вне быта. Раздвоенность, которая отступит лишь в момент выхода души из тела – в момент “четырнадцатой строки”...

*...Просто понял, что нынче могу
Через золото видеть пургу.
Непричёсанной глупой душе
Не положено умничать-думать.
Я не то чтобы умер уже,
Просто понял, что это — раз плюнуть...*

Это реализм, но реализм магический, овеванный теплом лёгким, как благословение. Лирический эпос, показанный сквозь увеличительное стекло. Жизнь всемирна, всемерна, неизменна, абсолютна и мудра – да, даже тогда, когда поэт не может удержать тяжкого вздоха! – жизнь мудра окончательно. И метроном её времени теперь похож на песочные часы: они идут, казалось бы, осыпая свою плоть – песок времени – вниз, оканчивая его... Но в освобождающейся верхней сфере этих песочных часов возникает и растёт пространство для неба, пространство освобождённого времени.

Но человек – процесс. И взгляд, постепенно обрастающий мыслью, – процесс. Принимая свою окончательную конструкцию, развёрнутую ввысь и вширь, и замерев своим материалом на ветру и дожде времени – этот выстроенный человеком за годы конструктор его духа попадает под действие закона усталости металла. То есть он мог бы остаться достаточно прочным и высоким только при условии дальнейшего роста... Но куда идти, если в своих логических основах мир души человеческой в масштабах тысячелетий вполне статичен, и неизменнее всего – в худшем своём? Если ясно, что люди не внемлют слову? Если единственным оправданием перед собой остаёшься ты сам? Можно только возвращаться назад, как это описал однажды Юрий Кузнецов.

И Евгений Чепурных “возвращается” туда, откуда не уйти никому и никогда – пока верен себе, пока жив... Может быть, однажды он станет писать стихи для детей. Кажется, для “снежного человека” и нет лучшего занятия, тем более сам автор говорит о всегда свежем снеге вечности, падающем на Россию с небес капитализма... Но мне показалось, что в этой метафоре у снежного человека есть место и для двойной иронии: и по отношению к себе, и по отношению к окружающим, для которых – что поэт, что снежный человек существо немислимое, несказанное. Всё чаще поэт снижает лексику, стараясь показать, что и снежный – он тоже человек. Усмехаясь над собой (да и над всеми), он разочарованно треплет фотографии быта... Поэт устаёт. И это признак его окончательной искренности и открытости временам, правда которых такова, что только самовлюблённая пошлость чувствует себя в них, как хозяйка. Но наступает момент, когда поэт замирает – у окна ли, у зеркала или на лавочке у подъезда – и его пафос, присущий ему, как пульс, требует слова. И вот уже мир вновь баснословен!

И тогда поэт говорит спокойно и размеренно, как бы “про себя”:

*...Он любит птиц, их щебет, свист и смех.
Из дома уходя — везде как дома.
Он просто есть.
Он просто смотрит вверх,
И всё ему там, наверху, знакомо.*

*Прощая любопытные носы,
Бредёт он, косолапя виновато.
А вслед за ним
Идут его часы.
Как тень. Как приручённые волчата.*

И дослушав его, окрестные галки взрываются аплодисментами.

Нижний Новгород